

Кристин Фере-Флери

Девушка, которая читала в метро

[roman]

CORPUS

Новый символ французского поезда.

L'EXPRESS

Кристин Фере-Флери

Девушка, которая читала в метро

«Corpus (АСТ)»

2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Фере-Флери К.

Девушка, которая читала в метро / К. Фере-Флери — «Corpus (ACT)», 2017

ISBN 978-5-17-105002-3

Популярная французская писательница Кристин Фере-Флери, лауреат престижных премий, начала печататься в 1996 году и за двадцать лет выпустила около полусотни книг для взрослых и для детей. Ее роман “Девушка, которая читала в метро”, едва выйдя из печати, стал сенсацией на Лондонской книжной ярмарке 2017 года, и права на перевод купили сразу семь стран. Одинокая мечтательница Жюльетта каждый день по утрам читает в метро и разглядывает своих читающих попутчиков. Однажды она решает отправиться на работу другой дорогой. Заметив на безлюдной улице табличку с надписью “Книги без границ” и ворота, в которые вставлена книга, она, не удержавшись, входит и попадает в странный дом, буквально заваленный книгами. Хозяин, словно вынырнувший из других времен, оказывается, собирает книги, чтобы дарить их людям, знакомым и незнакомым. Но это не обычный буккроссинг: важно подарить человеку именно ту книгу, которая может решить его судьбу. Жюльетта включается в игру, и ее жизнь, прежде унылая и однообразная, наполняется необычными приключениями.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-105002-3

© Фере-Флери К., 2017

© Corpus (ACT), 2017

Содержание

1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
6	19
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кристин Фере-Флери

Девушка, которая читала в метро

*Гийому и Мадлен, моим “первым изданиям”...
И тебе, малыши Робен, родившийся, когда я писала последние
фразы этого романа. Пусть верные “бумажные друзья” – книги –
следуют за тобой всю жизнь, на радость и утешение!*

Christine Féret-Fleury
La Fille qui lisait dans le métro

Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Ирины Стаф

© Éditions Denoël, Paris 2017

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО “Издательство Аст”, 2018

Издательство CORPUS ®

1

*Я, представлявший райские пределы
Библиотекой без конца и края.
Хорхе Луис Борхес*

О дарах¹

Мужчина в зеленой шляпе всегда входил в вагон на “Берси” и всегда через передние двери; выходил он ровно через семнадцать минут на “Ламотт-Пике – Гренель”, через те же двери, – в дни, когда остановки, звоночки и металлическое побрякивание чередовались мерно и ритмично, в дни без особого столпотворения, без происшествий и тревожных сирен, без забастовок и задержек в целях регулирования движения. В обычные дни. Дни, когда кажется, что ты – частица хорошо смазанной машины, большого механического целого, где каждый волей-неволей находит свое место и играет свою роль.

В дни, когда Жюльетта, спрятавшись за солнечными очками-бабочками и толстым шарфом, связанным бабушкой Адриенной для дочки в 1975 году, – шарфом длиной в два с половиной метра, если быть точным, линялого синего цвета, как дальние вершины в семь часов вечера летом, да не абы где, а если смотреть на гору Канигу с холмов Прада, – спрашивала себя, важнее ли ее существование в этом мире, чем жизнь паука, которого она утром утопила в душе.

Она не любила так делать – направлять струю на черное мохнатое тельце, коситься краем глаза, как тонкие ножки сперва иступленно сучат, потом вдруг поджимаются, как вода крутит насекомое, крохотное, легкое, словно обрывок нитки от любимого шерстяного пуловера, а потом уносит в слив, в который она тут же энергичным шлепком вгоняла затычку.

Серийные убийства. Каждый день пауки лезли снова, выползали из канализации после невесты где начавшегося водного круиза. Может, те же самые, что были сброшены в темные невообразимые глубины, в городские внутренности, похожие на громадный резервуар с вонючей копошащейся жизнью, расправились там, воскресли и опять обреченно потянулись наверх? Жюльетта-преступница, полная отвращения убийца, представлялась самой себе безжалостной, но рассеянной, а по большей части слишком занятой богиней, время от времени надзирающей за люком в ад.

На что надеялись все эти пауки, ступая, так сказать, ногой на сушу? Куда они собирались путешествовать и зачем?

Человек в зеленой шляпе, наверно, мог бы дать Жюльетте ответ – если бы она осмелилась его спросить. Каждое утро он открывал портфель и вытаскивал оттуда книгу, обернутую в тонкую, полупрозрачную, тоже зеленоватую бумагу, и неспешными, точными жестами разглаживал уголки. Потом просовывал палец между страницами, разделенными полоской такой же бумаги, и начинал читать.

Книга называлась “История насекомых, полезных для человека, животных и искусств, с добавлением Приложения об изведении насекомых вредных”².

Он поглаживал крапчатый кожаный переплет и корешок с золочеными нитями и заглавием на красном фоне.

Открывал книгу, подносил к лицу и нюхал, прикрыв глаза.

Читал из нее две-три страницы, не больше, словно лакомка, пробующий шу с кремом крохотной серебряной ложечкой. На его лице появлялась загадочная и довольная улыбка –

¹ Перевод Бориса Дубина.

² Книга Пьера Жозефа Бюкоза (1785), французского ботаника, натуралиста, врача и адвоката. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

примерно такой виделась очарованной Жюльетте улыбка Чеширского Кота из “Алисы в Стране чудес”. Как в мультфильме.

На станции “Камбронн” улыбка исчезала, сменяясь выражением печали и сожаления; он снова загибал бумагу, клал книгу обратно в портфель и клацал замочками. Вставал с места. За все это время он ни разу не взглянул на Жюльетту, сидевшую напротив – или стоявшую над ним, цепляясь за поручень, отполированный ежедневным прикосновением сотен ладоней, в перчатках и без, – и пожиравшую его глазами. Он удалялся мелкими шажками, очень прямой, в наглухо застегнутом пальто и шляпе, сдвинутой на левую бровь.

Без этой шляпы, без улыбки и портфеля, в котором он запирает свое сокровище, Жюльетта его бы, наверно, не узнала. Мужчина как мужчина, не красавец и не урод, не обаятельный и не противный. Чуть полноват, неопределенного возраста – точнее, определенного, если уж говорить штампами.

Просто человек.

Или, вернее, – просто читатель.

* * *

– Пчела, шелковичный червь, кермес, кошенильный червец, рак, мокрицы, шпанские мушки, пиявки...

– Это ты о чем?

Жюльетта, напевавшая себе под нос, подскочила на стуле.

– Ой! Да ни о чем. Вроде считалочки... Пыталась вспомнить названия...

– Пришли результаты диагностики эффективности энергопотребления для квартиры на бульваре Вольтера, – сообщила Хлоя, не слушая ее. – Досье у тебя?

Жюльетта кивнула не сразу. Она все еще думала про мужчину с зеленой книгой, про насекомых, про пауков – сегодня утром утопила двоих.

– Давай я подошью.

Она крутанулась на стуле, вытащила папку со стеллажа, занимавшего всю стену, и сунула туда листки. Картонка была противного желтого цвета. Какая унылая гадость! Целая стена вспучивалась, топорщилась отклеивавшимися по углам этикетками и, казалось, вот-вот выльется ей на голову, как ночной горшок. Жюльетта закрыла глаза, представила себе бульканье, лопающиеся пузырьки на поверхности и – запах; она сильно ущипнула себя за нос, сдерживая рвотный позыв.

– Что с тобой? – спросила Хлоя.

Жюльетта пожала плечами.

– Ты беременна? – не унималась коллега.

– Ничего подобного. Просто не понимаю, как ты работаешь, сидя напротив вот такого...

Тошнотный цвет.

Хлоя уставилась на нее круглыми глазами.

– Тош-нот-ный? – повторила она по слогам. – Сбрендил ты совсем. Много я всякой фигни слышала, но чтоб такое... Это же просто папки. Ну да, уродские, но... Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Жюльетта неритмично постукивала пальцами по столу: пчела, шелковичный червь, кермес, кошенильный червец, рак, мокрицы, шпанские мушки, пиявки...

– Совершенно, – ответила она. – А ты что читаешь в метро?

2

Еще была пожилая дама, студентка-математичка, орнитолог-любитель, садовод, влюбленная – по крайней мере, Жюльетта предполагала, что та влюблена, потому что, проглотив три четверти очередного женского романа, пухлого, растрепанного и зачитанного, девушка неизменно начинала учащенно дышать, а на ее ресницах поблескивали крохотные слезы. На обложке была то обнимающаяся пара на кроваво-красном фоне, то многозначительные кружева в глубоком вырезе. Обнаженный мужской торс, окат бедер, смятая простыня или пара запонок, строгое начертание заглавия, подчеркнутого кожаной полоской хлыста... и слезы, что взбухали на ресницах в районе 247-й страницы (Жюльетта специально проверяла, незаметно косясь на соседку), а потом медленно сползли к треугольному подбородку из-под прикрытых век, а круглые, обтянутые скромным топом груди приподнимались в невольном вздохе. “Почему всегда на 247-й странице?” – спрашивала себя Жюльетта, провожая глазами раскрытый зонтик, бегущий по платформе станции “Дюплекс” и укрывающий от косых потоков дождя целое семейство, от которого виднелись только ноги – маленькие ножки в коричневом вельвете, большие ноги в джинсах и тонкие ноги в полосатых колготках. Что такое там происходило, какое внезапное чувство возникало на 247-й странице, какая рана, сжимавшая горло тоска, порыв сладострастия или одинокого отчаяния?

Она задумчиво постукивала кончиками пальцев по обложке собственной книги – которую открывала нечасто, ее слишком поглощали наблюдения. Томик карманного формата с заляпанным кофе обрезом и отслоившимся корешком переезжал из сумки в сумку: от объемистого холщового мешка по вторникам, когда Жюльетта после работы в агентстве отправлялась по магазинам, до клатча по пятницам, когда она шла в кино. Открытка, заложенная между 32-й и 33-й страницами, уже больше недели не сдвигалась с места. Изображенный на ней пейзаж, деревня на горе, высящейся вдаль над коричневатой мозаикой полей, теперь ассоциировался у Жюльетты с пожилой дамой, что всегда листала одну и ту же поваренную книгу, порой улыбаясь, словно рецепт какого-то блюда напоминал ей о безумствах молодости; а иногда, закрыв книгу, клала на нее руку без обручального кольца и смотрела в окно на баржи, плывущие по Сене, или на глянцевые от дождя крыши. Текст на задней стороне обложки был на итальянском, а под ним красовалось фото: два упитанных перца, развесистый укроп и кусок моцареллы с ровным следом от ножа с костяной ручкой.

Пчела, шелковичный червь, кермес, кошенильный червец, рак, мокрицы, шпанские мушки, пиявки... *Carciofi, arancia, pomodori, fagiolini, zucchini... Crostata, lombatina di cervo, gamberi al gratin...*³ Слова-бабочки, порхавшие по битком набитому вагону и садившиеся на кончики пальцев Жюльетты. Образ казался ей глуповатым, но другого на ум не приходило. Впрочем, почему бабочки? Почему не светлячки, что мигают несколько секунд, а потом гаснут? Она видела когда-нибудь светлячков? Нет, на самом деле никогда. Светлячков больше не осталось – она боялась, что нигде. Только воспоминания. Воспоминания бабушки, той самой, что связала ее шарф. И была немножко похожа на пожилую даму с книгой рецептов: то же белое, мирное лицо, те же крупноватые руки с короткими пальцами, украшенными единственным кольцом, широким обручальным кольцом, которое годами вгрызалось в плоть и в конце концов срослось с ней окончательно. Сморщенная, покрытая крапинками кожа постепенно напознала на кольцо, тело переваривало символ и деформировалось в соприкосновении с ним. “Светлячки, – рассказывала она, – светлячки – это упавшие звезды. Я была еще совсем маленькая, меня отправляли спать, а летом вечера такие долгие! Целых два часа свет пробивался через щели в ставнях. Тихонько скользил по ковру, поднимался по спинке кро-

³ Артишоки, апельсин, помидоры, фасоль, кабачки... Кростата, стейк из оленины, креветки в панировке... (*итал.*)

вати; а потом привинченный на самом верху медный шар вдруг начинал блестеть. Я знала, что пропускаю самую красоту, миг, когда солнце опускается в море и вода становится цвета вина или крови. Тогда я завязывала свою ночную рубашку, вот так, видишь? Вокруг талии, очень крепко. И вылезала в окно по решетке для винограда. Сушая мартышка. Бежала на край поля, оттуда было видно море. А потом, когда совсем темнело, каталась на калитке, за сарайчиком для шелковичных червей, ее никогда не запирали... Вот там-то я их и видела. Они вдруг прилетели. Или из земли вылезли, я так и не узнала. Молча висели в воздухе, сидели на травинках... Я не шевелилась, мне даже дышать было страшно. Вокруг меня были звезды”.

Поезд затормозил. “Севр-Лекурб”. Еще три остановки, или четыре, зависело от того, какой сегодня день и какое у Жюльетты настроение. Дрожь металла, сигнал. Она вдруг встала и вышла, когда двери уже закрывались. Полу куртки зажало между створками, она резко выдернула ее и осталась стоять на платформе, чуть-чуть задыхаясь, а поезд уехал. В сером утреннем свете несколько силуэтов, закутанных в толстые пальто, торопились к выходу. Кто же станет февральским утром бродить по улицам просто так, ради удовольствия, задирать голову, разглядывая форму облаков, или с любопытством озираться в поисках нового магазинчика или гончарной мастерской? Никто. Люди перебирались из натопленной квартиры в теплый офис, пили кофе, болтали, зевая, про текущие дела, делились сплетнями и новостями – одна хуже другой. Станция, где Жюльетта выходила каждый день, находилась почти напротив дверей агентства, надо было только перейти улицу. Немножко ступенек, кусок тротуара, а потом, слева, витрины прачечной, табачной лавки и торговца кебабами. В табачной витрине до сих пор стояла слегка запылившаяся пластиковая елка с гирляндами и бантами из фольги. Красный колпак с белым помпоном вместо звезды на макушке обвис, как мокрое белье.

Ей хотелось увидеть что-то другое. Жюльетта подошла к плану квартала в конце станции: если свернуть направо по первой улице, а потом на втором перекрестке опять повернуть направо, она доберется минут за десять. Лучше немного пройтись, согреться. Она даже не опоздает – или почти не опоздает. В любом случае Хлоя откроет агентство. Она патологически пунктуальна, а месть Бернар, заведующий, раньше половины десятого не появится.

Жюльетта быстрым шагом двинулась по тротуару, потом заставила себя идти помедленней. Надо избавляться от привычки нестись вперед, ничего вокруг не замечая. Что такого увлекательного ее ждет? Ни черта вообще: досье, которые надо заполнять и расставлять, длинный список надоедлых запросов, может, клиент какой зайдет, или два. Спокойные дни. Надо же, ведь она за это и выбрала такую работу!

За контакт с людьми: так было написано в объявлении, на которое она откликнулась; за контакт с людьми, да, – сблизиться с другими, читать в их глазах мечты и желания, даже предупредить их, подыскивать гнездышко, где эти мечты смогут разместиться и распуститься, где к боязливому вернется уверенность в себе, где унылые вновь станут улыбаться жизни, где дети будут расти под надежной защитой от безжалостных, разрушительных ураганов, а старики и уставшие от жизни будут без страха поджидать смерть.

Она до сих пор вспоминала своих первых клиентов, спешащую тридцатилетнюю пару. Перед тем как пойти посмотреть квартиру, она предложила им кофе, мне нужно получше вас узнать, чтобы очертить круг ваших ожиданий, заявила она с уверенностью, которой в ней тогда не было в помине. “Очертить круг ваших ожиданий”: ей казалось, что это удачная, звучная формулировка, она вычитала ее в брошюрке, которую дирекция агентства вручала каждому служащему, но мужчина смерил ее взглядом, приподняв бровь, и выразительно постучал по циферблату часов. Жена изучала переписку в своем смартфоне, даже глаза не подняла, даже когда поднималась по лестнице, а похолодевшая Жюльетта пересказывала справку, которую накануне вечером выучила наизусть, тесаный камень, обаяние османовской стилистики, обратите внимание на плитку в холле, восстановлена с сохранением изначальных частей, абсолютный покой, лифт ходит до пятого этажа, оцените толщину ковра на лестнице. Ей казалось, что

ее голос доносится откуда-то издалека, смешной и тоненький, голос девочки, изображающей взрослую даму, ей было очень себя жалко, горло перехватывало от нелепого желания плакать. Пара быстрым шагом обошла квартиру, три комнаты, окна во двор, и она, задыхаясь, бежала за ними. Слова разлетались, толкались, высокие потолки лепнина стильный камин много встроенных шкафов ромбовидный паркет это большая редкость возможность сделать дополнительную комнату или кабинет добавив мезонин... Они ее не слушали, не смотрели друг на друга, не задали ни единого вопроса. Она набралась храбрости и попыталась их расспросить: вы играете на рояле, у вас есть дети или?.. Ответа не последовало, она споткнулась на полоске света, перечеркивавшей пыльную паркетную плашку, голос уносился все дальше, такой тонкий, что теперь уже никто не мог его расслышать: квартира-распашонка, очень светлая, на кухне солнце с девяти утра... Они уже ушли, она бегом пыталась их догнать. На улице она протянула мужчине свою визитку, он, не глядя, сунул ее в карман.

Она уже знала, что больше их не увидит.

Крик чайки вернул Жюльетту к реальности. Она застыла и подняла глаза. Птица, раскинув крылья, кружила над ее головой. Низкое облако проплыло под ней, клюв и тело исчезли; остались только кончики крыльев и крик, отдававшийся эхом среди высоких стен. Потом он вдруг затих. Порыв ветра ударил девушке в лицо, она пошатнулась. И огляделась, протрезвев. Улица была хмурая, безлюдная, облупившаяся штукатурка на зданиях исчерчена длинными мокрыми потеками. Зачем ее сюда занесло? Она вздрогнула, сунула нос в толстый шарф и пошла дальше.

– Заида!

Зов донесся откуда-то сверху, но бежавшая ей навстречу девочка не обернулась; живая и гибкая, она нырнула между ногами Жюльетты и опрокинутым мусорным баком, извергавшим предназначенный для переработки пластик, подобрала свои тонкие ножки-ручки и поскакала дальше по скользкой дороге. Жюльетта, обернувшись, посмотрела ей вслед: кружащаяся юбка, светло-зеленый свитерок, две пляшущих косички... и ее взгляд упал на высокие ржавые ворота, в которые, чтобы не захлопнулись, была засунута книга – *книга!*

На воротах – эмалированная металлическая табличка, словно прямиком из фильмов военных лет, подумала она, а на табличке – высокие синие буквы:

КНИГИ БЕЗ ГРАНИЦ

3

Жюльетта сделала еще три шага, протянула руку, погладила покоробившиеся от сырости страницы. Облизнула кончиком языка верхнюю губу. Зрелище книги, зажатой между железными створками, причиняло ей почти такую же боль, как утопленный паук. Она тихонько оперлась на створку и нажала плечом; книга съехала чуть пониже. Она подхватила ее и, прислонившись к воротам, открыла и поднесла к лицу.

Ей всегда нравилось ощупывать и обнюхивать книги, особенно уцененные: новые книги пахли тоже по-разному, в зависимости от бумаги и клея, но их запах ничего не говорил о руках, которые их держали, о домах, где они нашли приют; они еще не обзавелись историей – совсем не той, какая в них рассказана, другой, параллельной, невнятной, тайной. Некоторые пахли сыростью, другие хранили меж страниц стойкий дух карри, или чая, или засушенных лепестков; порой углы были в масляных пятнах, длинная травинка, служившая закладкой в летний вечер, рассыпалась в прах; подчеркнутые фразы или пометки на полях складывались в подобие прерывистого дневника, в набросок биографии, иногда в свидетельство негодования, разрыва.

Эта книга пахла улицей – смесью ржавчины и дыма, птичьего помета и жженных покрышек. А еще, как ни странно, мятой. Из фальца выпало несколько стебельков, они бесшумно упали на землю, и запах усилился.

– Заида!

Новый зов и топот ножек; Жюльетта почувствовала, как ее толкнуло маленькое теплое тельце.

– Простите, мадам.

В голосе, на удивление низким для ребенка, звучало удивление. Жюльетта посмотрела вниз и встретила взгляд карих глаз, настолько темных, что казалось, будто зрачок занял собой всю радужную оболочку.

– Я тут живу, – сказала девочка. – Можно пройти?

– Конечно, – прошептала Жюльетта.

Она неловко отступила в сторону, и тяжелая створка стала закрываться. Девочка пихнула ее обеими руками.

– Вот поэтому папа всегда оставляет тут книжку, – терпеливо объяснила она. – Ручка для меня слишком тяжелая.

– Но почему книгу?

Вопрос вырвался сам собой, невольным упреком. Жюльетта почувствовала, что краснеет, чего с ней не случалось уже давно – особенно перед десятилетней пичугой.

Заида – какое красивое имя! – пожалала плечами:

– А, эти! Он говорит, они “кукушки”. Смешно, правда? Как птицы. В них по три-четыре раза подряд повторяются те же страницы, они плохо сделаны, понимаешь? Их нельзя читать. Ну, читать по-настоящему. Покажи, это какая?

Девочка вытянула шею, закрыла глаза, принялась.

– Эту я пробовала. Дурацкая история, девушка встречает парня, она его ненавидит, а потом любит, но потом он ее ненавидит, и... Такая скука, что я в нее положила листочки мяты, пусть хоть пахнет хорошо.

– Хорошая мысль, – тихо сказала Жюльетта.

– Заходи, хочешь? Ты из передатчиков? Я тебя раньше не видела.

Из *передатчиков*? Девушка помотала головой. Слово тоже вызывало в ней картины из черно-белого фильма, маки, рука, выстукивающая азбуку Морзе, неясные силуэты, бегущие, пригибаясь, по туннелям или подлезаящие под колючую проволоку, девушки на велосипедах,

развозящие в сумках листовки Соппротивления и с наигранным простодушием улыбающиеся немецкому солдату в какой-то серо-зеленой салатнице на голове. Сто раз виденные в кино и по телевизору картинки, такие привычные, такие гладкие, что иногда забываешь скрытый в них ужас.

– Значит, хочешь им быть? – продолжала Заида. – Это легко. Пойдем к папе.

Жюльетта опять замотала было головой, не соглашаясь. А потом ее взгляд оторвался от лица девочки и снова уперся в табличку с загадочным названием – впрочем, ничего странного, все просто, книги в самом деле не ведают ни пределов, ни границ, разве что границы языка иногда, это очевидно, – тогда почему?..

Мысли разбегались, но при этом она чувствовала, что время идет, что пора уходить, выбираться с этой улицы, надо как можно скорее бежать под неоновый свет лампы в своем кабинетике, к пыльному запаху досье “Объекты” и досье “Клиенты”, к бесконечной болтовне Хлои и кашлю месье Бернара, сухому или влажному, в зависимости от времени года, и к четвертому визиту пенсионеров, которые никак не могут решить, выбрать им домик в Мийи-ла-Форе или двухкомнатную квартиру на Порт-д’Итали.

– Пойдем, – решительно повторила Заида.

Она взяла Жюльетту за руку и втащила во двор, а потом аккуратно засунула книгу за створку ворот.

– Кабинет там, в глубине, где застекленная дверь. Просто постучи. А я пошла наверх.

– А в школу ты не ходишь? – машинально спросила Жюльетта.

– У нас в классе случай заболевания ветрянкой, – важно сообщила девочка. – Всех отправили по домам, у меня даже записка есть для папы. Ты мне не веришь?

Ее круглое личико беспокойно сморщилось. Между губ виднелся кончик языка, розовый и гладкий, как марципановый цветок.

– Конечно верю.

– Ну, тогда ладно. А то вы все такие недоверчивые, – заключила девочка, пожав плечами.

Она прыжком развернулась, и ее косички снова подскочили на плечах. Волосы были густые, каштановые и отливали медом там, где свет оглаживал их своим жестким сиянием; каждая коса – толщиной с ее хрупкое запястье.

Пока она бегом скакала по металлической лестнице, ведущей на длинную галерею вдоль всего второго этажа здания – судя по всему, бывшей фабрики, – Жюльетта неуверенно направилась к указанной двери. Она сама не понимала, почему пошла за девочкой, а теперь выполняет ее приказ – ведь если подумать, это был приказ. Или совет? В любом случае следовать ему совершенно неразумно: она и так уже опаздывала, незачем даже смотреть на часы. Теперь в воздухе повисла изморось, легонько хлестала ее по лицу, подталкивала к теплу, к передышке под крышей... В конце концов, сегодня утром у нее ничего срочного... Всегда можно сказать, что сломалась стиральная машина, она уже несколько месяцев дышит на ладан. Жюльетта даже говорила про нее с месье Бернаром, тот долго рассказывал ей про разные модели, настоятельно советовал немецкие марки, по его словам, куда более надежные, и даже предлагал в субботу съездить с ней в один магазин, где у него, по крайней мере, знакомый управляющий, какой-то многоюродный кузен, честный человек, дурного не посоветует.

Стеклянная дверь переливалась, отражая в себе кусок неба; но в глубине комнаты горела лампа.

Жюльетта подняла руку и постучала.

4

– Не заперто!

Мужской голос. Бархатистый, даже чуть хрипловатый, с легким неопределенным акцентом. В глубине комнаты распрямылся длинный силуэт. Толкнув дверь, Жюльетта увидела грудку коробок, и верхние, стоявшие слегка набекрень, зашатались. Она невольно вскрикнула: “Осторожно!” – но поздно: коробки повалились на пол, подняв облако пыли. Девушка закашлялась, прикрыв ладонью рот и нос; послышалось нечленораздельное ругательство, и она увидела, вернее, угадала какое-то движение: мужчина упал на колени – брюнет, весь в черном, довольно худой, – и другой рукой вытирал катящиеся из глаз слезы...

– Нет, только не это! Я же все разобрал... Вы можете?

На сей раз тон был вполне приказным. Жюльетта, не в силах вымолвить ни слова, кивнула и наугад двинулась вперед, на свет, голос шел оттуда, значит, мужчина был один, он махал руками, костлявые запястья торчали из слишком коротких рукавов, пыль теперь немного осела, и она видела его профиль, четкий, почти резкий, с прямым носом, как у некоторых греческих статуй или у воинов на фресках в Кноссе, прошлым летом она на две недели ездила на Крит и с тех пор часто видела их во сне, как они бегут на приступ, потрясая дротиками, а в их больших удлинённых глазах горит мечта о воинском бессмертии.

– Конечно, – пробормотала она наконец, без всякой уверенности, что он ее слышит.

Он сгребал в охапку рухнувшие тома, бестолково суетился, как неумелый пловец. Книги накатывали на его ноги до самых ляжек, валились друг на друга, переплеты соскальзывали, распадались веером, открывались, ей вдруг показалось, что она слышит живую трель синичьих крыльев, когда та вспархивает с куста.

Теперь она стояла прямо перед ним; он поднял глаза, не скрывая растерянности, по-детски простодушно:

– Я уже не помню, как их разложил. По тематике и по странам, наверно. Или по жанрам.

И добавил, словно извиняясь:

– Я такой рассеянный. Дочка меня все время бранит. Говорит, у меня голову давно птичка унесла.

– Заида? – спросила Жюльетта, уже сидя на корточках и погружая руки в ворох страниц. – Она ваша дочь?

Перед ней громоздилась почти полная подборка романов Золя: “Карьера Ругонов”, “Добыча”, “Проступок аббата Муре”, “Страница любви”, “Накипь”, “Нана”, “Творчество”... Она собрала их в ровную стопку на полу, поодаль от книжного прибора.

– Вы ее знаете?

– Это она предложила мне зайти, да.

– Надо ей сказать, чтобы была поосторожнее.

– У меня такой опасный вид?

Из-под Золя на нее нахально глядела мужская физиономия, перечеркнутая тонкими усиками. Она прочла заглавие – “Милый друг”.

– Мопассан, – сказала она. – А там Доде. Натуралистические романы. Наверно, вы пытались разобрать их по жанрам...

Он не слушал.

– Нет, с виду вы не опасная, – согласился он, с минуту подумав. – Вы работаете в книжном магазине? Или вы учительница? А может, библиотекарь?

– Нет, ничего подобного, я... я работаю в недвижимости. Но дедушка у меня торговал книгами. Я в детстве обожала его магазинчик. Обожала ему помогать. Обожала запах книг...

Запах книг... Она чужая еще с улицы, как только видела узкую витрину, куда дед всегда выставлял только один том зараз; обычно это бывал альбом по искусству, он стоял открытым на своем аналое, а хозяин каждый день переворачивал одну страницу. Она помнила, как прохожие останавливались посмотреть картину дня, пейзаж Рёйсдала, портрет Грёза, марину Николя Озанна...

Для маленькой девочки, а позже подростка это был дворец из “Тысячи и одной ночи”, где она укрывалась дождливыми вечерами по средам, куда заходила расставлять новичков по стеллажам или почитать в задней комнате. Дедушка, страстный библиофил, в вечном поиске редких изданий скупал целые библиотеки случайных книг, большая часть которых громоздилась в высоких сундуках справа от двери. Копаясь в этих сокровищах, Жюльетта находила не только классиков детской литературы, но и произведения почти забытых авторов – Чарльза Моргана, Дафны Дюморье, Барбе д’Оревилли, и целый выводок английских романисток вроде Розамунды Леманн. Романы Агаты Кристи она щелкала как орехи...

До чего же было хорошо!

Голос человека в черном резко выдернул ее в настоящее:

– Вот, держите эти. Теперь вспоминаю, я не знал, куда их положить. Значит, они готовы уйти, я так думаю.

Жюльетта рефлекторно подставила руки, взяла протянутый ей ворох книг, а потом удивленно повторила:

– Готовы уйти?

– Да. Вы же за этим сюда пришли? Вы хотите тоже быть передатчиком? Вообще-то надо было бы сперва вас расспросить. У меня список вопросов есть, вон там, – он махнул рукой куда-то в сторону стола, заваленного бумажками и вырезками из газет, – но когда надо, никогда не могу его найти. Зато могу предложить вам кофе.

– Я... Нет, спасибо, мне надо...

– Я все-таки должен вам объяснить... как мы работаем... мы, то есть они, потому что я сам... В общем, все довольно сложно. Я из дому не выхожу.

Он встал, гибко опершись на руки, перешагнул через коробки и направился в глубь комнаты, где на маленьком столике стояло нечто вроде тщательно отделанных строительных лесов, а еще чашки и коробка со старинной надписью “Печенье Лефевр-Ютиль”.

– Это моя кофемашина собственного изобретения, – пояснил он, не оборачиваясь. – Она работает более или менее по принципу пеллетной печи... Понимаете, о чем я?

– Не совсем, – пробормотала Жюльетта, чувствуя, что проваливается куда-то за пределы реальности.

Она опаздывала. Теперь уже сильно опаздывала. Хлоя, наверно, уже звонила ей на мобильный – он был выключен – спросить, не заболела ли она, месье Бертран уже открыл дверь своего застекленного кабинета, слева от входа в агентство, уже снял пальто и повесил его в шкаф, проследив, чтобы плечи легли точно на вешалку, с крюка которой свисал кружочек из кедра, от моли. Он тоже уже включил личную кофемашину, положил два кусочка сахара в чашку лиможского фарфора с двумя тонкими золотыми полосками по ободку, единственную, как он ей однажды сообщил по секрету, что сохранилась от материнского сервиза, мать была женщина прелестная, но взбалмошная, все остальные перебила, швыряла их в голову отца, обнаружив, что он изменяет ей с секретаршей, классика жанра. Уже звонил телефон – один раз или два. Хлоя ответила на звонки. А который час? Жюльетта беспокойно взглянула в окно (почему в окно?), потом вдохнула запах кофе и забыла свое чувство вины. Мужчина энергично крутил ручку деревянной мельницы. И напевал, словно забыв о ее присутствии. Она скорее ощутила, чем услышала, как мелодия на миг обволакивает ее, а потом затихает.

– Меня зовут Солиман, – сказал он, оборачиваясь. – А вас?

5

– Мой отец обожал Моцарта, – сказал он чуть позже, когда они медленно пили черный, густой, как ликер, кофе. – Нам с сестрой он дал имена персонажей из оперы “Заида”. Мою дочь тоже так зовут.

– А ваша мать? Она была согласна?

Жюльетта, осознав свой промах, покраснела и поставила чашку.

– Простите. Я иногда говорю все, что в голову взбредет. Это не мое дело.

– Ничего страшного, – ответил тот с еле заметной улыбкой, смягчившей его резкие черты. – Мать умерла совсем молодой. И она давно была не совсем с нами. Отсутствовала... некоторым образом.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он стал разглядывать коробки, громоздившиеся вдоль стен, ровные, почти как кирпичная кладка, – стена-дублер, отделяющая комнатку от внешнего света и шумов.

– Вы ведь знаете, что такое буккроссинг, принцип путешествующих книг, – продолжал он после недолгой паузы. – Его придумал в 2001 году один американец, Рон Хорнбекер, вернее, систематизировал. Превратить мир в библиотеку... красивая идея, правда? Книгу оставляют в общественном месте, на вокзале, на скамейке в сквере, в кино, а кто-то ее берет и читает, а через несколько дней или недель тоже оставляет, уже в другом месте.

Он соединил пальцы под подбородком, получился почти идеальный треугольник.

– И еще надо было отслеживать “освобожденные” книги, восстанавливать их маршрут, дать возможность читателям делиться впечатлениями. Так в интернете появился сайт движения, там зарегистрирована каждая книга. Ей присваивается код, он должен легко читаться на обложке вместе с адресом сайта. Тот, кто находит путешествующую книгу, может ввести туда дату и место находки, записать свой отзыв или критику...

– Этим вы и занимаетесь? – перебила его Жюльетта.

– Не совсем.

Он встал, подошел к стопкам, худо-бедно восстановленным Жюльеттой. И взял с каждой по книге.

– Вот. У нас есть некий довольно случайный ассортимент книг для чтения. “Война и мир” Толстого. “Скорбь ангелов” Йона Кальмана Стефанссона. “Французская сюита” Ирен Немировски. “Зимняя битва” Жан-Клода Мурлева. “Ничто не противится ночи” Дельфин де Виган. “Ланселот, или Рыцарь телеги” Кретьена де Труа. Следующий передатчик, который войдет в эту комнату, будет ответственным за распространение всех этих книг.

– Ответственным? – переспросила Жюльетта.

– Он не станет оставлять их под открытым небом или в поезде. Если угодно, он не станет полагаться на случай, чтобы они нашли читателя.

– Но как...

– Он должен *выбрать* для них читателя. Или читательницу. Кого-то, кого он приметит, за кем даже будет ходить по пятам, пока у него не окрепнет интуитивное убеждение, что этому человеку *необходима* именно такая книга. Не думайте, это самый настоящий труд. Книгу не отдают на пари или из прихоти, из желания потрясти или раззадорить, разве что без причины. Мои лучшие передатчики обладают огромным даром эмпатии: они чувствуют в глубине души, какие фрустрации, какие обиды копят в недрах тела, с виду ничем не отличающегося от любого другого. То есть надо было сказать *мой* лучший передатчик: второй, к несчастью, недавно нас покинул.

Он положил книги, повернулся и взял двумя пальцами фотографию, увеличенную до формата А4.

– Я хотел ее повесить на стену здесь, в кабинете. Но ей бы это не понравилось. Она была очень скромная женщина, молчаливая, даже скрытная. Я так и не знаю точно, откуда она приходила. И так и не знаю, почему она решила уйти из жизни.

У Жюльетты перехватило горло. Стены из книг, казалось, надвигались на нее, плотные, угрожающие.

– Вы хотите сказать, что она...

– Да. Два дня назад она покончила с собой.

Он подтолкнул к Жюльетте лежащее на столе фото. Черно-белый снимок, слегка зернистый, детали размыты из-за расстояния и плохого качества съемки; но девушка сразу узнала родную женщину в тесном зимнем пальто, чье лицо в три четверти смотрело в объектив.

Это была женщина с поваренной книгой, женщина с 6-й линии метро – та, что часто смотрела в окно с загадочной ждущей улыбкой.

– Правда, извините, мне так жаль... Какой я идиот!

Солиман повторял эту фразу уже четвертый или пятый раз. Он принес Жюльетте пачку бумажных платочков, еще одну чашку кофе и не слишком чистую тарелку, на которую вывернул все содержимое коробки с печеньем.

– Вы ее знали?

– Да, – наконец выговорила она. – Вообще-то нет. Мы с ней утром ездили по одной линии метро. Я в самом деле не видела ее ни вчера, ни позавчера. Могла бы догадаться... Я должна была бы что-то для нее сделать...

Он встал у нее за спиной и неловко сжал ее плечи. Как ни странно, от его угрюмого пожатия ей стало легче.

– Конечно же нет. Вы не смогли бы ничего сделать. Слушайте, мне очень жаль, правда жаль...

Жюльетта истерически засмеялась:

– Перестаньте все время это повторять.

Она выпрямилась, моргая, чтобы прогнать слезы. Комнатка, казалось, еще сузилась, словно книжные стены сделали шаг внутрь. Разумеется, этого не может быть. И этого изгиба не может быть, который, похоже, появился у нее над головой – неужто книги в верхнем ряду действительно склонились к ней, а их картонные корешки готовы шептать ей слова утешения?

Жюльетта помотала головой, встала, отряхнула юбку от крошек. Печенье показалось ей волглым, со странным вкусом – наверно, слишком много корицы. Сам он ничего не ел. Завитки пара, еще поднимавшиеся от кофемашины, которая издавала через равные промежутки времени легкое позвякивание, сплетались в подвижную вуаль перед его лицом, размывая черты. Она тайком разглядывала его, поднимала глаза и, встречаясь с ним взглядом, сразу их отводила. То, как он встал и зашел ей за спину, успокоило ее. Ей казалось, что она никогда не видела таких черных бровей, такого печального взгляда, хотя на его твердо очерченных губах все время играла мягкая улыбка. Лицо, наводившее на мысли о буре, победе и в то же время упадке. Сколько ему может быть лет?

– Мне правда нужно идти. – Она скорее уговаривала себя, чем предупреждала его.

– Но вы вернетесь.

Это не был вопрос. Он протянул ей пачку книг, перехваченных полотняным ремнем. Как раньше, подумала она, школьники так перетягивали учебники и забрасывали их за спину, твердым колотящимся грузом. Она не удивилась; представить в его руках пластиковый пакет было невозможно.

– Да. Вернусь.

Зажав книги под мышкой, она повернулась к нему спиной и направилась к двери. Но, уже взявшись за ручку, замерла.

– Вам не приходилось читать женские романы? – спросила она, не оборачиваясь.

– Я вас удивлю, – ответил он. – Приходилось. Иногда.

– Что происходит на 247-й странице?

Повисло молчание: он, видимо, обдумывал ее вопрос. Или, может, что-то ему вспомнилось. А потом сказал:

– На 247-й странице кажется, что все потеряно. Знаете, это самый лучший момент.

6

Стоя в переполненном вагоне, Жюльетта чувствовала, как висящая на плече холщовая сумка вонзается ей в бок, прямо между ребрами и левым бедром. Книги пытаются впиться в нее всеми своими бесчисленными углами, сказала она себе, толкаются, каждая хочет быть первой, пленные упрямые зверьки, сегодня утром они вели себя почти враждебно.

Она знала почему. Накануне, вернувшись домой – в конце концов она позвонила в агентство и сказала, что неважно себя чувствует, нет-нет, ничего серьезного, просто еще не совсем прошло, денек отдохнет и все будет в порядке, – она бесцеремонно засунула их в большую вторичную сумку для покупок, застегнула молнию, поставила мешок у входной двери, положила сверху зонтик, потому что прогноз на неделю отнюдь не радовал. Потом включила телевизор, прибавила звук и, поедая разогретую в микроволновке замороженную лазанью, стала смотреть документальный фильм про северных олуш, потом еще один, памяти закатившейся рок-звезды, ей надо было отгородиться всеми звуками мира от набитого книгами склада, от того часа, что она провела в крошечной комнатухе, нет, не крошечной, просто заваленной, в этом кабинете, где всякий пустой промежуток пространства, казалось, был застроен изнутри томами, расставленными на стеллажах или громоздящимися под столом, у кресла и на решетчатых полках открытого неморозящего холодильника.

Все вынесенное из этой комнаты она убрала подальше от своих глаз, чувств, даже памяти; набив рот почти сладкой лазаньей болоньезе промышленного изготовления, а голову – музыкой, восклицаниями, птичьими криками, признаниями, аналитикой, болтовней, она снова чувствовала под ногами твердую почву привычного, заурядного, не такого уж плохого, почти выносимого мира – или жизни, той единственной жизни, какую она знала.

И сегодня утром книги злились на нее за то, что она не обращала на них внимания.

Какая дурацкая мысль.

– Ну и ну, – проворчал ее сосед, низенький мужчина, упакованный в парку защитного цвета, – какая твердая у вас штукавина. Что это вы в сумке таскаете?

Глядя поверх его черепа с розовой блестящей плешью, просвечивающей между покрытых гелем прядей, она машинально ответила:

– Книги.

– В ваши годы? С ума сойти. Я не осуждаю, заметьте, читать – дело хорошее, но вам бы лучше...

Конец фразы Жюльетта не слышала, вагон, дернувшись, остановился, двери открылись, и ворчуна уже уносило потоком двинувшихся к выходу тел. Его место заняла высокая худая женщина в мятом плаще. Она не жаловалась, весь перегон натываясь при качке на книги, которые, казалось, сами собой улеглись так, чтобы выставить максимум острых углов при минимальном соприкосновении. Жюльетта мучилась из-за нее, вжималась в тонкую вибрирующую перегородку, но на лице, повернутом к ней в профиль, не отражалось ни малейшего неудобства; только тяжелая усталость, толстая, как долго наслаивавшаяся, слезавшаяся от времени корка.

Наконец она доехала до своей станции, протиснулась между потоком пассажиров, поднимавшихся по лестнице, и теми, что спускались вниз, споткнулась, ступив на тротуар, искала взглядом витрину агентства, белые квадратики с ярко-оранжевой каймой, анонсы в витрине – и побежала к двери.

Она пришла первая. Теперь можно сбросить сумку под куртку, в металлический шкаф, куда обе сотрудницы убирали личные вещи. Неизвестно зачем хлопнув дверцей, она уселась за

свой стол, на котором ее ждал ворох незаполненных досье и стикер, исписанный расхлябанным почерком Хлои:

Оклемалась? Я седни на выходе, иду прямо в уродский флэт на улице Г. Чмоки!

“Уродский флэт на улице Г.” означал долгую, очень долгую отлучку. Хлоя считала эти полсотни квадратных метров, где почти все пространство сжирал коридор и нелепая огромная ванная с ванной на ржавых львиных лапах, своим личным врагом. Несколько дней назад Жюльетта слушала, как она, разрабатывая план сражения, вдохновенно перечисляет преимущества сидения в ванне посреди Парижа.

– Если будет парочка, ванна пробудит их либидо. Надо, чтобы они оба представили себя в ванне с шапкой пены и с ароматическим массажным маслом для ног.

– А ржавчина? А потрескавшийся линолеум? Как-то не гламурно, по-моему, – возразила Жюльетта.

– Я туда оттащу бабушкин старый китайский ковер, он в чулане, мама и не заметит. И какое-нибудь живое растение. Они подумают, что попали в зимний сад, ну, знаешь, как в той книжке, что ты мне давала... Жутко нудная и длинная, я так и не осилила, но там клевая такая была штука, с кучей цветов и плетеными креслами...

Да, Жюльетта знала. Книжка эта была “Добычей” Золя, Хлоя вернула ее со словами: “Ну и наворотили на ровном месте!” Но похоже, даже она оценила смертоносный соблазн той сцены, где Рене, жена Аристида Саккара, отдается юному пасынку в оранжерее, среди одуряющих запахов редких цветов – свидетельства богатства и изысканного вкуса мужа.

– Надо тебе было сходить на тренинг по *home staging*, – снисходительно продолжала Хлоя. – Так интересно, супер. Понимаешь, надо вдохнуть жизнь в квартиры... ту жизнь, какую люди хотят иметь. Надо, чтобы они входили и говорили себе: “Если я буду тут жить, я стану сильнее, влиятельнее, популярнее. Добьюсь повышения, которого жду уже два года, но не требую, потому что боюсь схлопотать дверь по физиономии, стану зарабатывать на 500 евро больше, приглашу девушку из рекламного отдела в кафе, и она меня не пошлет”.

– Ты продаешь им иллюзию...

– Нет, мечту. И помогаю им перенестись в лучшее будущее, – назидательно заключила Хлоя.

– Хватит мне лекции читать! – взорвалась Жюльетта. – Ты что, действительно в это веришь?

Хлоя смерила коллегу сердитым взглядом:

– Конечно. Раз мне за это платят. До чего же ты занудная иногда...

Зазвонил телефон. Хлоя.

– Принеси мне книгу. У тебя их в столе полно. Я все видела! – бросила она обличающим тоном.

– А какую книгу? – спросила Жюльетта в некотором замешательстве. – И зачем тебе...

– Все равно какую. Мне на столик надо, я его перетащу к ванне. Так будет меньше видно ржавчину, я еще лампу поставлю, такую винтажную, с бахромой из бусин, вроде бы некоторые девицы обожают читать в ванне. Увидишь, какая сразу будет атмосфера.

– По-моему, ты говорила, что ванна должна намекать на эротические забавы?

– Ну, парень же не всегда будет дома. И потом, иногда неплохо и передохнуть.

– Не спорю, тебе виднее, – развеселилась Жюльетта.

Хлоя собрала уже целую коллекцию одноразовых любовников, проведенные в одиночестве выходные оплакивала как невесть какую трагедию, и ей уж точно никогда бы не пришлось в голову позвать к себе в ванну с пеной Пруста или Фолкнера.

– Ладно, поищу что-нибудь, – ответила она и нажала на отбой.

Хлоя угадала: нижний ящик стола Жюльетты, самый глубокий – а потому малопригодный для удобного хранения досье, – был набит карманными изданиями, остатками четырехлетних поездок из дома на работу и обратно, книгами, которые она, прерывая чтение, закладывала то билетом в кино, то квитанцией из прачечной, флаером пиццерии, концертной программкой или листочком из блокнота, в который заносила списки покупок и номера телефонов.

Она потянула за металлическую ручку, тяжелый ящик со скрежетом пополз по своим рельсам, а потом вдруг застрял, и с полдюжины книг вывалилось на пол. Жюльетта подобрала их и, выпрямившись, положила у клавиатуры компьютера. Незачем копаться в ящике, сойдет любая книжка. Все равно Хлоя дальше заглавия читать не будет.

Заглавие. Да. Заглавие важно. Кто же станет читать в ванне “Зуд” Лоретт Нобекур, книгу, которую ее кожа не забыла до сих пор, стоило взять ее в руку, и невидимые мурашки начали ползти из-под левой лопатки к плечу – и готово, она уже чесалась, даже скреблась, нет, это никуда не годится. Тем не менее, начав читать роман, она не могла от него оторваться, вот именно, так вода в ванне остынет, надо что-то нежное, успокаивающее, обволакивающее. И загадочное. Новеллы? Мопассан, “Орля”, незавершенный дневник безумца, покончившего с собой? Жюльетта представила себе, как читательница, погрузившись в пену по плечи, поднимает голову, беспокойно вглядывается в темный коридор через приоткрытую дверь... Из темноты хлынут привидения, годами вытесняемые детские страхи с целой вереницей тревог... Девушка в панике вскочит в ванне, перешагнет бортик, поскользнется на мыле, как леди Кора Кроули из “Аббатства Даунтон”, и, того гляди, упадет, разобьет себе голову...

Нет.

Она с сожалением отложила сборник новелл, первый том “В поисках утраченного времени” Пруста, несколько детективов с чересчур потрепанными обложками, эссе о выгорании на работе, биографию Сталина (на кой она это купила?), французско-испанский разговорник, два толстых русских романа, набранных десятым кеглем через один интервал (нечитабельно), и вздохнула. Нелегкий выбор.

Придется выворачивать весь ящик. Наверняка что-то найдется. Нужна безобидная книжка, неспособная привести ни к каким неприятностям.

Разве что...

Жюльетта тыльной стороной руки сбросила книги со стола, и они упали вперемешку в темное нутро, которое, нельзя не признать, сильно походило на могилу. Задвинула ящик. Печаль. Она ее чувствовала, но не хотела сейчас давать волю этому смутному, неприятному чувству.

На нее возложена миссия.

Она встала, обошла стол и открыла шкаф.

Сумка по-прежнему стояла там. Почему ей на миг показалось, что она может исчезнуть?

Она наклонилась, приподняла ее и инстинктивно прижала к себе.

Угол какой-то книжки попытался вонзиться ей в ребра.

Вот эта и будет, подумала она с неведомой доселе уверенностью.

7

Первая, первая моя книга в роли передатчика, думала Жюльетта, нащупывая сквозь плотную ткань сумки выбранный том, – но кто кого выбрал? Она уже нарушала правила: не знала даже названия книги, не знала, чья рука возьмет ее и перевернет, например, посмотреть, что написано на задней стороне обложки; она не выслеживала свою цель, не изучала ее, не продумывала момент встречи, не соотносила тщательно, как велел Солиман, книгу с ее читателем или читательницей.

Читательницей. Это точно будет читательница. Мужчины не читают в ванне. Впрочем, мужчины и ванну не принимают, вечно спешат, единственный способ удержать их в покое – это положить на диван у телевизора, где идет полуфинал Лиги чемпионов. Во всяком случае, Жюльетта пришла к такому заключению, наблюдая за тремя своими бывшими бойфрендами.

– Знаю, – вслух сказала она, – вечно я обобщаю. Потому каждый раз и вляпываюсь.

Ну вот, опять обобщение. Но она в самом деле склонна делать поспешные выводы, по большей части оптимистические, из любой приглянувшейся ей мелочи: у одного очки в металлической оправе, другой протягивает сложенные лодочкой руки, как будто берет щенка или младенца, а у третьего прядка все время падает на лоб, застилая синий-синий взгляд... Ей казалось, что в этих крохотных особенностях читается ум, нежность, юмор, надежность или фантазия, которой она сама, как ей думалось, лишена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.